

Рождённый страхом

Бодрова Светлана

Светлана Викторовна Бодрова

Рождённый страхом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69470152

SelfPub; 2023

Аннотация

Как только вы откроете книгу, перед вами предстанут два существа, две характерные личности, диаметрально противоположные друг другу. Вам предстоит тяжёлый выбор – занять сторону одного из них. Для этого всего лишь нужно разобраться, где добро, а где зло, кто хороший, а кто плохой. И возможно ли это сделать в нашем мире? Ведь эти понятия так хрупки и недолговечны.

Светлана Бодрова

Рождённый страхом

Она шла по тёмным пустынным улицам, вздрагивая от малейшего шороха. Качнётся ли ветка, только начинавшая набирать почки, мяукнет ли бездомный кот, вздохнёт ли ветер от грустной думы, любой звук бил по нервам, как ток по оголённым проводам. Алёна с детства боялась темноты, и не стеснялась в этом признаваться, а за суматошный и бестолковый день она настолько устала, что в испуге дёргалась от собственной тени. Да и где было не устать, если сотрудницы, все, как одна, попались туповатенькие и неисполнительные, совершенно не умеющие работать в коллективе, и лишь одна она знала, что, когда, а главное как, надо делать. Слишком уж часто приходилось указывать им на их ошибки, и за это они её и невзлюбили. Лишь хорошие отношения с начальницей удерживали её на рабочем месте. Вот та прекрасно разбиралась в людях, и понимала, кто и чего достоин.

Вот и сегодня не обошлось без приключений, а ведь поначалу всё шло гладко, и конец смены был так близок. Но уже часа за два до её окончания они втроём стояли возле открытой, пышущей жаром печи и с недоумением заглядывали внутрь.

– М-да. – Протянула одна.

– Что за хрень? – Не сдержалась вторая.

И лишь третья заглядывала молча, жадно хватая воздух ртом.

Да и было чему удивиться. Белый хлеб, всегда получавшийся красивым и аппетитным, лежал на противнях невразумительными пластами, больше похожими на подошву от ботинок. Даже на первый взгляд становилось понятно, что партия, которую они готовили на утро, безвозвратно испорчена. Девчонка, стоявшая справа от неё, месяц назад принятая на работу, и отвечавшая за замес теста, со стоном отшатнулась.

– Как же так получилось? – Дрожащими, посиневшими губами, прошептала она.

Вспомнив её нелепый вид, Алёна невольно ухмыльнулась. Ей доставляло удовольствие, когда кто-то показывал слабость. Лично она этому не была подвержена, и всегда мастерски скрывала любые эмоции.

– Разве непонятно? Ты просто не положила дрожжи. – Ответила она тогда, хотя это и ежу было понятно. Но на глупый вопрос можно получить только глупый ответ.

Девчонка пошатнулась вторично.

– Но, Алёна Николаевна, ведь дрожжи клали вы. Вы же сами послали меня на склад, и я попросила это сделать вас. – Глупышка всё ещё пыталась оправдаться.

Вика выглядела настолько растерянной, что даже сейчас, вспоминая это, Алёна не смогла сдержать улыбку. Но в тот момент ей надо было самой выкручиваться, лишь бы выйти

чистой из этой передряги.

– Так я и добавила то, что ты мне намешала. Чего ещё ты от меня хочешь?

– Так я и заготовку не успела приготовить, так быстро вы меня сдёрнули. Там дрожжей было – всего ничего. Я из-за этого и пачку оставила рядом, думала, вы додумаетесь.

Алёну передёрнуло, а говорившая быстро смекнула, что сказала что-то не то, и замолчала, нервно теребя фартук.

– А ты не могла это сказать? Или ты действительно считаешь, что я должна думать что-то за тебя?

– Но вы так быстро меня отослали, что я не успела ничего сказать.

– А ты не спи на ходу, а шевелись быстрее, тогда и косяков будет меньше. Я не обязана за тебя выполнять работу.

– Да, но дрожжи лежали рядом, я же не просто так оставила их тут. – По молодости и наивности она ещё верила в справедливость, и пыталась оправдаться, думая, что у неё это получится.

– Лежали. – Раздалось в ответ. – Но ты ускакала, и я решила, что они просто остались лишними. Ты же вечно разбрасываешь все, где попало. А я их убрала на место.

Вика не чувствовала себя виноватой, но аргументы закончились, и она просто смотрела на Алёну Николаевну глазами полными слёз. И хотя ту трудно было пробрать жалобной мордашкой, этот взгляд она запомнит надолго.

– Ну, в принципе, я слышала почти всё, и объяснять ниче-

го не нужно. – Все трое дёрнулись от неожиданности, обернувшись на женщину с властным голосом, стоявшую позади них. – Вика, иди, замешивай новую партию, и учти, за твою ошибку у тебя вычтут из зарплаты, и не из одной. Галя, тебе чистить противни от этого безобразия. Алёна за старшую. Пока не закончите, не уйдёте.

Это был триумф. Даже сейчас, через несколько часов после происшествия, гордость за недюжинное самообладание грела Алёне душу. А этой выскочке Вике, так и надо. Мало того, что не умеет работать, так ещё и пытается свои ошибки свалить на других. Это уже верх человеческой наглости.

На фоне ночного неба, подсвеченного звёздами, обрисовался массив дома, стоявшего первым в череде однотипных пятиэтажек. Ещё метров сто – сто пятьдесят, и она окажется в тёплой кровати, а ночные страхи останутся позади. А бонусом за удачный день, можно даже вознаградить себя стаканчиком винца, а то и двумя.

Лавочки возле подъездов, окружённые ещё голыми кустами, были пусты. Днём тут собирались старушки, чтобы обсудить разницу цен в магазинах и поругать правительство, а вечером забредали шумные компашки, не имевшие денег для более культурного досуга. Но сейчас, в два часа ночи, лишь ветер играл ветками, заунывно напевая грустную песню.

Алёна поёжилась. Мрачные густые тени навевали тоску, скрывая стены и дорожку вдоль них. Иногда они словно ме-

нялись, перебираясь с места на место, но ни светлее, ни спокойнее от этого не становилось. Они жили собственной, загадочной и непонятной жизнью, вникать в которую простым смертным категорически запрещено. Всю сознательную жизнь, часики которой натикали уже больше сорока лет, женщина боялась темноты, и всего, что ней связано. Она даже не могла вспомнить, когда появился этот страх, казалось, он поселился в ней ещё в утробе матери, и с тех пор маниакально преследовал её. Но не ночевать же на улице, поддавшись собственным слабостям, а до первых утренних прохожих было ещё ой, как далеко.

Осторожно, словно вступая в логово врага, Алёна шагнула с освещённого тёплым светом фонарей тротуара в непроглядную тьму узенькой дорожки. Медленно, шаг за шагом, заранее достав ключи из кармана, она приближалась к своей цели – самому дальнему подъезду. Предыдущий, не такой уж и маленький путь, не шёл ни в какое сравнение с последними метрами. Ей казалось, что все монстры и маньяки мира собрались здесь только для того, чтобы её хороший день закончился очень плачевно.

– Мяу.

Из кустов выпрыгнула кошка и потёрлась о её ногу. Алёна замерла, прижав кулаки к груди, в попытке унять выпрыгивающее сердце, и восстановить дыхание. Когда колокола в ушах затихли, ей всё же удалось взять себя в руки.

– Пшла отсюда, тварь.

Кошка, пнутая демисезонным ботинком, отлетела в сторону, жалобно всхлипнув в полёте. Можно было продолжать путь, тем более, пройти оставалось всего несколько шагов. Но после пережитого страха ноги тряслись, и пришлось невольно замедлиться.

Выглянувший из-за туч месяц бросил блик на новенькую решётку в подвальном окошке, ненароком привлекая внимание. Алёна, переставлявшая ноги, словно в замедленной съёмке, не отдавая себе отчёта, зачем ей это вообще нужно, не отрывала взгляда от маленького чёрного квадрата. Вроде и подвалов она не боялась никогда, да и не заглядывала туда даже в детстве, бегая по улицам с ватагой такой же ребятни, но нутро подсказывало ей, что именно отсюда грозит наибольшая опасность. Не от зарослей кустов, не от угла дома, не от крошечной тьмы, наступавшей на пятки, а от этого маленького, словно вырезанного из самой ночи, квадратика. В подтверждение её мыслей темнота в подвале, хотя, казалось, это невозможно, стала сгущаться ещё больше. Все тени в округе стремились туда, затекая, словно в водоворот. Размножаясь на глазах, они ползли по земле и по стене дома, и пропадали в бездонной пасти. Непроглядная тьма клубилась завихрениями, создавая причудливые узоры всех оттенков чёрного цвета.

Загипнотизированная чарующим действием, женщина замерла, словно в ступоре. И так и стоять бы ей до самого рассвета, но сущность тьмы неуловимо поменялась. В самой

глубине, в сердцевине, блеснул маленький огонёк. И тут же, как по команде, появился второй. Они мерцали мягким призрачным светом, постепенно увеличиваясь в объёме. И в какой-то миг огоньки моргнули, потом ещё раз, и ещё. Женщина готова была поклясться, что это совсем уже и не огоньки. Она смотрела в два жёлтых, с вертикальными зрачками, как у кошки, глаза. А они смотрели на неё.

Противостояние взглядов длилось не так уж и долго. В тот момент, когда неведомый обладатель глаз, слегка качнувшись, двинулся в её сторону, оцепенение спало. Неслась она лучше любого бегуна на короткие дистанции, благо подъезд был уже рядом, а ключи благоразумно вынуты заранее. И только закрыв дверь квартиры на ключ, закупорив все окна, и достав из холодильника бутылку вина, Алёна начала понемногу успокаиваться.

Двумя стаканчиками дело, конечно, не ограничилось. С трепетом вспоминая только что пережитое, она умудрилась опустошить всю бутылку. И чем меньше оставалось вина, тем умиротворённее она себя чувствовала. Она шла по давно натопанной дорожке, убеждая себя, что ничего не случилось, и она ни в чём не виновата. Это у неё всегда получалось превосходно.

В итоге женщина пришла к выводу, что уставший за день мозг сыграл с ней злую шутку, и ничего из того, что ей привиделось, не было. Не было ни тьмы, ни страха, ни, тем более, загадочных глаз. В какой-то момент, когда бутылка

уже опустела, она даже хотела вернуться обратно, и проверить свою теорию. Но, к счастью, начало светать, а люди, как ранние пташки потянувшиеся на работу, помешали бы ей осуществить задуманное. Слегка пошатываясь, но с лёгким сердцем и безмятежными мыслями, Алёна отправилась спать в уютную кроватку.

Поначалу для него не существовало ничего. Ни тьмы, ни света, ни чувств, лишь блаженные пустота и небытиё. Не нужно было о чём-то думать, о чём-то заботиться, куда-то стремиться. Его просто не существовало, и это было настоящим блаженством.

– Страх. – Это мысль была первой, и она появилась раньше, чем он сам. Но на неё, как на скелет, быстро начал нарастать и он. Ещё не имея тела, он уже ощущал боль от своего появления. Каждый кусочек, рождавшийся из мысли, рвал и кромсал его, вставая на место. Не имея плоти, и представляя собой лишь сгусток черноты, он уже невероятно страдал. Очень странный и несчастный кусок боли и отчаяния.

Постепенно ничто стало принимать очертания – у существа появилось зрение. Не было чётких ориентиров и понятий, лишь игра теней, но и это, для того, кто только осознал себя, оказалось большим потрясением. Всё вокруг менялось и текло так быстро, что он даже не успевал ничего понять. Только он захочет метнуться к мелькнувшему просвету, а его уже, как и не бывало. Единственным выходом было заме-

реть и наблюдать, стараясь смириться с неутихающей болью.

У него всё получилось бы, но его манило, и как магнитом тянуло куда-то. А куда, он пока и сам не знал, лишь старался следовать зарождающимся инстинктам. Они вели его туда, где в воздухе появлялась лёгкость, а тьма теряла плотность, становясь чуть светлее и подвижнее. Превозмогая боль, он расположился на границе этих ощущений и превратился в наблюдателя.

Пришло ещё одно чувство, пока не осознанное, странное и непонятное. Тени стали излучать энергию, совершенно по-разному влиявшую на него. Тонкие и длинные, двигавшиеся постоянно, навевали прохладу, они манили, обещая отдых и покой. Небольшое пространство вокруг него напоминало пустоту. Ту пустоту, которую он ещё ощущал, только начиная формироваться. В ней не было движения, и появлялась возможность замереть, как в невесомости. Узкий проход прямо перед ним, из которого веяло прохладой, устрашающе пульсировал, как бы предупреждая, что к нему, ради безопасности, лучше не приближаться.

Но, несмотря на угрозу, он придвинулся к нему почти вплотную. Неосознанно, повинувшись одним инстинктам, он чувал, что там что-то есть. Что-то очень нужное для него, без чего он не будет ни полным, ни законченным. Его неумолимо вело туда, как стрелку компаса. Он пытался даже разглядеть это нечто, благо тьма немного успокоилась, и стала более дружелюбной. И ему это почти удалось, если не зрением,

то диким звериным чутьём.

Но лишь только к вожделенному объекту потянулась тонкая незримая ниточка, тот стал быстро удаляться, пока не скрылся где-то за гранью. Пытаясь наладить оборвавшуюся связь, существо долго и мучительно вздыхало. Ему жизненно необходимо было именно то, что ускользнуло от него.

Так он простоял, а вернее, за неимением плотного тела, провисел довольно долго. Прямо на его глазах мир вокруг неуловимо менялся. Это оказалось настолько захватывающим зрелищем, что он даже забыл о боли. Тьма постепенно уползала. Она пряталась в закутки и закоулки, а самая старая и изошрённая, копировала предметы, пытаясь повторить их очертания как можно точнее. Становилось светлее, и сами предметы выглядели чётче и ярче, и лишь в глубине его убежища царила всё та же прохладная темнота. Чем ярче становилось вокруг, тем невыносимее ему было. Глаза резало так, что их приходилось зажмуривать, а в теле, непонятно откуда, появлялись болезненные дыры. Но спугнул его обычный человек. Он вышел из подъезда, и прошёл в паре метров от него слишком погружённый в собственные мысли, чтобы заметить хоть что-то не касающееся их. Для него же, рождённого из тьмы и страха, этот человек светился нестерпимым светом, таким ярким, что он затмевал восходящее солнце.

В одну секунду в нём зародился инстинкт самосохранения. Он шарахнулся в глубокую тьму подвала и затаился. И хотя незнакомец уже ушёл далеко и безвозвратно, ему со-

всем перехотелось узнавать что-либо новое. В темноте ему сразу стало спокойно и комфортно, и лишь небольшое пятно на полу, светившееся бегающими огоньками, вызывало у него смятение. Он приблизился, и, следуя инстинктам, полностью накрыл его собой. Так он познал голод и насыщение.

Вскоре от пятна, которое на самом деле было свежим кошачьим трупиком, осталась лишь пыль, быстро впитавшаяся во влажный грязный пол. Он насытился, не успев проголодаться. Теперь ему хотелось лишь покоя, и тихо постанывая от усталости, он направился вглубь узеньких переходов, ища самое тёмное место.

В глубине подвала, над толстой, кое-где обмотанной изоляционным материалом трубой, клубился сгусток тьмы, выделявшийся даже в окружающей его темноте. Он спал, и ему было почти также хорошо, как в небытие.

Она постаралась просто забыть ту ночь. Ну, случилось небольшое помрачение рассудка, ну, испугалась непонятно чего, так с кем не бывает? Жизнь продолжалась и играла новыми красками. На работе всё шло, как нельзя лучше. Дурочку Вику, наконец-то, уволили. Она сумела проштрафиться вновь, правда не без её помощи. Доказать это было невозможно, и девчонке, со слезами на глазах, пришлось умолять не увольнять её по статье. Зрелище оказалось незабываемым и упоительным. Правда пришлось вместе с Галкой идти к начальнице и упрашивать, чтобы Вику не наказывали день-

гами. Ей очень не хотелось этого делать, но Галка сильно переживала за эту дурочку, а ей самой нельзя было терять лицо, всё-таки им вместе ещё работать. Но поддельная скорбная мина, навешенная на лицо, не помешала ей наслаждаться триумфом. А мысль, что любой, кто ей досаждал, будет в итоге наказан, расцвела буйным цветом.

С начальницей отношения стали ещё лучше. Каждый раз перед сменой, Алёна успевала забежать в круглосуточную кафешку и купить два стаканчика кофе. Один предназначался ей, другой Жанне Борисовне. И с первого же благословенного дня, когда её осенила эта идея, они стали каждый раз, минимум по полчаса, пить это кофе вместе. Начальница настолько прониклась к ней симпатией, что не только рассказывала про свою большую семью, но и советовалась по некоторым рабочим вопросам. Даже кандидатуру новой работницы они обсуждали вдвоём, а это что-то, да значило. К тому же Жанна Борисовна рассказала ей по секрету, что скоро её переводят на другой объект, а так как новую заведующую ещё не нашли, она будет ходатайствовать за её, Алёнино преобразование. А ведь она даже не догадывалась, что её мечта так близко. Она, с грехом пополам, да ещё и со второго захода закончившая ПТУ, станет заведующей мини-пекарней в большой сети. И кто знает, может, благодаря собственной изворотливости, ей удастся подняться ещё выше.

Безоблачное небо личной жизни тоже радовало. Если по молодости она сильно расстраивалась, глядя в спину убега-

ющего мимолётного кавалера, то с возрастом одиночество привлекало её всё больше и больше. Дома всегда чисто, почти не нужно готовить еду, и никто не мешает спать по ночам. А ведь мужик ещё и ребёнка может захотеть, да и не одного. От этой мысли её передёрнуло. Заниматься сопливыми носами в ущерб себе? Нет уж, увольте. Вот и получалось – жизнь наладилась, и с каждым днём становилась всё лучше.

Лишь небольшой, но очень болезненной занозой всплывала в памяти та ночь, в которую она так сильно испугалась. Ни логические размышления по этому поводу, ни успокоительные разговоры, проводимые в одиночестве, ни употребляемое почти каждый вечер вино, не давали забыть того пронзительного ужаса, испытанного за доли секунды. Даже просто вычеркнуть из памяти произошедшее не получалось. Как только она начинала наслаждаться жизнью, отголоски страха всплывали, заставляя дёргаться и нервничать.

Пришлось устанавливать новые, жизненно необходимые правила. После наступления темноты на улицу она больше не выходила. Лето приближалось семимильными шагами, и всё увеличивающиеся дни позволяли ей такую роскошь. О том, что будет дождливой осенью, или, не дай Бог, бесснежной зимой, она старалась не думать. Подвал она тоже обходила стороной, дожидаясь случайного попутчика, идущего в нужную ей сторону. Но, несмотря на все предосторожности, надежду разобраться во всём до конца, она не теряла.

Не придумав ничего лучше, она решила выяснить прак-

тическим путём, есть ли кто-то в подвале, или всё это просто её глупые предрассудки. Для этого она начала вылавливать на улице бездомных или просто загулявших кошек. Какое-то время, когда пару часов, а когда и пару дней, каждая из них проживала у неё в квартире. Она подкармливала их, и для каждой вязала цветной яркий ошейник. Почти каждый день, если в это время она была не на работе, часа в четыре пополудни, когда солнце ярко освещало и дом, и даже часть подвала, с бьющимся от страха сердцем приблизившись к ненавистному полуподземному окошку, она запихивала сквозь прутья одну из кошек. Не дожидаясь, пока животное плюхнет на пол и очухается, она с крейсерской скоростью удалялась от источника своих страхов, ведь дело-то уже было сделано. Она не хотела знать, что произойдёт с животным, и даже никогда не задумывалась об этом, на это у неё просто не хватало фантазии. Нет, суть выполняемого пассажа была совсем другой. Ей просто нужно было знать, выберется ли кошка из подвала живой, именно для этого и вязались разноцветные ошейники. А вот то, что может там произойти, её совершенно не волновало.

Но, как выяснилось, идея оказалась не такой уж и удачной. Запомнить всех кошек, побывавших у неё в гостях, было просто нереально. Какие-то из них оказались вполне узнаваемыми, особенно те, которые обладали очень приметной окраской. Но как понять: вон та рыжая кошка уже прошла сквозь её руки, или это уже совсем другой зверь? А они ещё и

быстро избавлялись от связанных ею ошейников, совершенно не желая помогать ей. Промаявшись недели три, но так и не обретя ни спокойствия, ни уверенности, она забросила это бестолковое занятие. Выход у неё остался один – убедить себя, что ничего не было. И пусть на это потребуется много времени, но уж что, что, а убеждать она умела.

А он, рождённый чужим страхом, жил, и даже понемногу развивался. Темнота была его колыбелью, трупы животных и органические отходы – едой – требовавшейся не так уж и часто. Он мало двигался, проводя время во снах или в созерцании. Он познавал мир, и незаметно менялся вместе с ним. Тело так и не стало плотным, но он научился принимать различные формы. Он мог копировать всё, что когда-либо видел, меняясь в мгновение ока. Это было всего лишь развлечение, так как обычно он выглядел как чёрный клубящийся сгусток. Так получалось само по себе, лишь только он переставал обращать на это внимание.

От скуки его тянуло к дыре, за которой происходило много интересного. Он не переставал наблюдать, невольно научившись сравнивать и анализировать. Светло – плохо, темно – хорошо, шумно – плохо, тихо – хорошо. Так, деля всё на плохо и хорошо, приятно и неприятно, он постепенно развивался, и делал выводы. Получалось, что хорошо именно там, где находится он, и на этом можно было бы успокоиться, но его неумолимо тянуло в мир других, отличавшихся от

него существ. Некоторые его пугали, как тот, увиденный первым, источающий нестерпимый свет. Но таких было слишком мало, выглядели они мелко, и никогда не появлялись в одиночестве. А вот те, которые покрупнее, отличались большим разнообразием. Большинство какие-то серые, безликие и вязкие, словно вырезанные из пустоты, непонимающие, зачем они существуют. Некоторые, чем-то напоминающие его, состояли из тьмы, и распространяли её вокруг себя, где бы они не появились. Но родства с ними он не чувствовал совсем. Это была какая-то другая тьма, тревожная и опасная, в отличие от его, тихой и спокойной. Эти тоже внушали опасение. Были существа-искры, обычно почти незаметные, лишь на мгновение начинавшие искриться и переливаться. А были просто тёмные, не серые, и не чёрные, а нечто посередине, наполненные болью, которая в них уже не помещалась. Все они слишком по-разному ощущались, чтобы он мог понять их. Но он мог просто наблюдать за ними для собственного развлечения.

Но там, в этом непонятном, и в сущности ненужном ему мире, было одно существо, к которому его тянуло постоянно. Для него оно представлялось собственным двойником, потерянной половинкой, воссоединение с которой являлось смыслом существования. Именно благодаря ему он появился на свет, и только рядом с ним мог полноценно существовать. Смущало только одно – неужели его всемогущий создатель сам об этом не догадывался?

Он чувствовал его, чувствовал почти постоянно. Когда сильно, так, словно они находились рядом, когда чуть слабее, словно в туманной дымке, а когда и так, что лишь слабые отголоски помогали не потерять направление. Но нить, вечная и непрерывная, всегда существовала между ними.

Его создатель тоже о нём не забывал. Он часто приходил к нему, когда тьмы совсем не было, и даже приносил подарки, чем в первый раз очень напугал его. Тогда подарок, в виде маленького существа, просто влетел в него, а он, не задумываясь, сразу же переварил подношение. Энергии от этого приёма пищи хватило очень надолго. Её просто некуда было девать в его тихом подвальчике, и пришлось долго, безумно долго, метаться от стены к стене. Решив, что такая еда не для него, он начал держаться от проёма подальше. Но совсем отказаться от встреч он не мог. Он стоял сбоку, и несколько мгновений просто упивался их близостью. Это было даже лучше, чем есть и спать. Это был смысл его существования.

Но встречи прекратились, резко, неожиданно, и от этого ещё более пугающе. Он чувствовал, что тот, кто создал его, где-то недалеко. Но к нему он больше не приходил, так, словно забыл совсем. Тьмы тоже стало совсем мало, а свет проникал почти во все уголки, навевая ещё большую тоску и страх. Страх того, что он никому не нужен, даже собственному создателю.

Но, взаимодействуя с миром, он научился мыслить и размышлять. Безнадёжно промаявшись, но так и не дождав-

шись новых встреч, он решил действовать самостоятельно.

Как только всё было тщательно продуманно, а времени на это ушло довольно много, он сразу же приступил к исполнению плана. Дождавшись когда свет перестанет проникать внутрь, он отправился бродить по своему царству в поисках пищи. Обычно он брезговал живыми существами, вполне удовлетворяясь их останками, но сейчас ему нужно было много энергии, и он знал, как её получить. Он не трогал их, и маленькие существа его совсем не боялись, поэтому поймать одно из них оказалось проще простого. Энергия, полученная от него, помогла так, как он даже и не ожидал. Всё стало предельно чётко и ясно.

Дождавшись самого тёмного времени, он первый раз покинул своё убежище, и по наитию потянулся туда, откуда манила надежда. Здесь всё было чужим и враждебным, но, передвигаясь по спасительным теням, и принимая их форму, он неуклонно двигался к цели. Увидев, что его ждали, он возликовал, ведь специально для него в стене оставили небольшое отверстие. Не то, чтобы он в нём нуждался, ему хватило бы и небольшой щёлочки, но это явно стоило расценивать как радушное приглашение.

Его создатель ютился в такой же камерке, как и он, захламлённой совершенно не нужными вещами. Он нашёл его чутьём, по тусклому, чуть мерцающему свету. Создатель спал, и он замер, благоговей, принохиваясь к влекущему аромату, и вибрируя от возбуждения. Он выполнил задуман-

ное, и цель его существования почти достигнута.

Но что-то неуловимо изменилось, невольно настораживая его. Создатель, ожидавший его, и нежно колыхавшийся в воздухе, резко дёрнулся в сторону, и начал делать хаотичные, непонятные движения. Это сбивало с толку, и мешало сосредоточиться. Но непоколебимая вера в сотворившего его, не позволила ему растеряться окончательно. Ведь это он создал его, и он, конечно же, знал, как правильно им воссоединиться. Следуя инстинкту он распластался по полу, и глядя вперёд, медленно двинулся в сторону вожака существа. Остальное от него уж не зависело.

Всё вокруг заполнил звук, резкий, невыносимый, выворачивающий наизнанку. В первые секунды, от неожиданности, он скрючился, и замер на месте. Но звук не прекращался, он лишь менял тональность, доходя до невыносимой вибрации. Он рвал его на части, с нестерпимой болью отрывая от него куски тьмы, бывшие им самим. Терпеть это стало невозможно. Он заметался между стен, пытаясь найти маленький уголок, в котором звук станет хоть чуточку переносимым. Но из-за этого он лишь сильнее калечил себя, становясь всё меньше и слабее.

Он бежал, постыдно и трусливо, так и не сумев выдержать эту пытку. До своего убежища-колыбели он добрался маленьким беспомощным комочком темноты. Это было всё, что от него осталось. И это было даже меньше, чем когда он только появился. Но не это сломило его окончательно. Он не

сумел выполнить задуманное, не сумел воссоединиться со своим создателем, к чему стремился всегда. Тот, кто дарил ему блаженство, к кому он стремился, уничтожил его почти окончательно также легко, как и заставил появиться на этом свете. Так, словно он был никому не нужен, и вообще не должен был существовать.

Разместившись в маленьком уголке, где лечебная тьма оказалась гуще всего, он затих, лишь иногда вздрагивая от гулких капель, падавших на оголённую трубу. Со стороны могло показаться, что он сотрясается от конвульсивных всхлипываний, вызываемых адской болью. Он смирился со своим поражением, и готов был исчезнуть навсегда.

Память её была хрупка и податлива, и уже через пару месяцев она почти забыла о ночном происшествии. Жизнь была слишком хороша, чтобы надолго задерживаться на чёрной полосе. Лишь подвал она не перестала обходить, но всё это по привычке, уже почти и не помня, зачем она это делает. Да ещё и пристрастие к винишку стало донимать каждый вечер. После пропущенного стаканчика спалось слаще и спокойнее. А то, что бабки на лавочке возле подъезда стали коситься, шептаться за спиной, и величать по имени-отчеству, хотя знали её всю жизнь, так это сушая ерунда. На то они и бабки, чтобы жить с головою не в ладах.

В один из летних вечеров она устроила себе праздник. Повода, как такового, не было, но вечно рассказывающие о до-

машинных посиделках сослуживицы, довели её до зубовного скрежета. Её похвальбы на тихое одинокое существование не вызывали ни у кого зависти, и от этого становилось довольно неприятно. Вот и пришлось, идя с работы, завернуть в магазинчик. Оттуда она вышла с тортом «Пьяная вишня» и двумя бутылками красного вина, тщательно спрятанными в дамской, довольно объёмной сумочке. До дома Алёна шла, гордо задрав голову, скользя по прохожим презрительными взглядами. У неё сегодня тоже будет праздник, и ей для этого никто не нужен.

На лавочке возле подъезда сидела старая бабка, проживающая двумя этажами выше, наблюдавшая за правнучкой, резвившейся в песочнице. Алёна недовольно поморщилась, но темпа не сбавила.

– Здравствуй, Алёна. – Старушенция вроде и не смотрела на неё, но спокойно пройти мимо не дала, не та закалка.

– Здравствуйте, Галина Осиповна. – Буркнула она в ответ, не сбавляя шага.

– Всё бежишь и бежишь куда-то. Как у тебя дела-то хоть? Всю жизнь живём в одном подъезде, а обмолвились двумя предложениями, словно нелюди какие-то.

Столько грусти звучало в её голосе, что Алёна невольно притормозила, вглядываясь в сторбленную сухую фигурку. И что это она, в самом деле? Ведь ей нетрудно сказать пару слов, а бабке приятно будет. Вон её как укатали, даже в таком возрасте заставляют за мелкой смотреть.

– Да ничего дела, хорошо, живём потихоньку.

– По-ти-хо-нь-кууу. – Смакуя слово, протянула бабка. – Потихоньку – это хорошо. Спешить некуда. А ты, никак, сегодня гостей ждёшь? – Полюбопытствовала она, кивнув на торт у неё в руке.

Алёна поморщилась. Вот же ж, противная старушенция. Знает, чем подколоть. Небось, всем домом обсуждают, что она живёт одна, бывает только на работе, и ни с кем не встречается. Вот бы их всех на место поставить.

– Жду. – На голубом глазу соврала она. – Знакомый сегодня в нашем городе проездом. Давно не виделись, обещал заглянуть на огонёк, вечерок скоротать.

– Поздновато тебе уже вечерочки-то коротать. Тебе уже детей пора женить, а ты и не представляешь, как они выглядят.

– А что представлять-то? – Фыркнула женщина в ответ. – Наглые, сопливые, вечно ноют, и чего-то просят. И зачем мне такое счастье? Чтобы потом как вы, пахать без продыху? Нет, уж, спасибо, большое!

– Глупая ты, глупая. – Старушка беззлобно покачала седой головой. – Нельзя в одиночестве всю жизнь прожить, не по-людски это.

– Ну, кому нельзя, а кому можно, это уже не вам решать. До свидания, счастливо оставаться. – Она резко развернулась, не желая больше слушать чужие нравоучения.

– Да постой ты, шепутная, – одёрнула её бабка, когда она

уже почти скралась в подъезде, – ты, случайно, Ёшку мою не видела? А то ушла гулять пару дней назад, и нету её. То ли загуляла, то ли пропала. Может, встречалась где?

И тут Алёну осенила внезапная догадка. Так вот почему бабки шушукаются у неё за спиной. Просто кто-то видел её с одной из кошек, и теперь они напридумывали чёрт знает что.

– Нет, не видела. Ваша кошка, вы за ней и смотрите. У вас ребёнок без присмотра, а вы со мной болтаете. Так вы и её провороните. – Отрезала она, и скрылась в прохладном подъезде.

Вечер получился скомканным. Она много раз прокручивала в голове неприятный разговор, и даже вела диалог, придумывая, как уязвить бабушку побольнее, но от этого становилась только раздражённое. Ишь, чего придумали, старые крысы! Теперь её ещё и в пропаже кошек обвиняют, как будто она изверг какой-то.

Так, злясь и проклиная докучливых соседей, она выпила обе бутылки вина и слопала четыре куска торта. Выпивки ей показалась мало, и назло всем, она умяла ещё один кусок сладкого, хоть он в неё еле влез, и с ощущением камня в желудке отправилась спать.

Несмотря на то, что ночь выпала душная, спалось ей очень даже хорошо. Проснулась же она резко и неожиданно, так, словно кто-то специально толкнул её. В привычной для неё комнате, обходившейся без перестановки мебели уже лет десять, она ориентировалась даже в темноте. Но сейчас что-то

явно было не так. Что-то, отчего даже знакомая обстановка казалась чужой.

Гадать долго не пришлось. Через пару минут напряжённого ожидания она увидела их. Те самые глаза, которые однажды напугали её, в существовании которых она сумела-таки себя разубедить, смотрели прямо на неё, повиснув в непроглядной темноте прямо посередине комнаты. Её комнаты, где она всегда чувствовала себя полностью защищённой.

Горло сдавил спазм, а конечности стали ватными, поэтому всё, что она смогла, это упасть с кровати, и медленно отползти в ближайший угол. Всё, что угодно, лишь бы оказаться от неведомого, и от этого ещё более страшного, подальше. Таким образом, отрезав себе все пути к отступлению, ей оставалось лишь замереть и наблюдать.

Целую вечность они буравили друг друга взглядами, не трогаясь с места. Алёна готова была просидеть так до рассвета (что-то подсказывало ей, что тогда оно уйдёт), лишь бы это нечто не шевелилось. Но у него, видимо, были другие планы. В какой-то момент светящиеся глаза опустились к полу, и медленно двинулись в её сторону. Этого она уже выдержать не смогла. От переизбытка страха голос вернулся также неожиданно, как и пропал. Не видя другого выхода, она зажмурила глаза, и завизжала со всей мочи. В комнате что-то происходило, но что именно, она не знала, и знать не хотела. Она вся ушла в голос, мысленно молясь, чтобы её слышали соседи. Как они смогут помочь, если она находит-

ся в запертой квартире, женщина даже не задумывалась. Заглядывать так далеко было просто выше её сил.

Охрипнув и оглохнув, Алёна уже не отдавала отчёта происходящему. Когда ей показалось, что нечто схватило её за ногу, она взвизгнула в последний раз, и упала в обморок.

Очнулась она от яркого света, бившего в окно, и не сразу смогла сообразить, почему валяется на полу. Тело затекло, горло и живот нещадно болели, а в ушах до сих пор стоял звон. События прошедшей ночи она вспомнила посекундно, хотя и не знала, куда подевался её кошмар, когда она потеряла сознание. Не знала, да и знать не хотела. А вот уверенность в том, что ещё одну такую встречу она попросту не переживёт, прочно поселилась в душе. И хотя утро женщина начала как обычно – с умывания, чистки зубов и завтрака – мозг работал самостоятельно, усиленно ища выход. Когда в её руках оказался сотовый телефон, она с радостью поняла, что он справился с поставленной задачей. Уладить всё остальное казалось сущим пустяком.

– Алло.

Голос в трубке звучал удивлённо, и даже чуть настороженно. Что, в принципе, было не удивительно. В их последний с сестрой разговор они сильно повздорили, и где-то с полгода даже не общались. Но, тем не менее, она оставалась единственным человеком, который способен был ей помочь.

– Привет. Чё, как там у вас дела?

Если вести себя, как ни в чём не бывало, то можно до-

биться многого, это она знала точно.

– Нормально, живём потихоньку. Денег, правда, не хватает из-за Димкиной учёбы, ну так это не у нас одних такие проблемы.

– Слушай, ты прям не в бровь, а в глаз. Я тут всю голову сломала, как бы вам помочь. Давай я временно перееду к тебе, а мальчишка пусть живёт в моей квартире.

– Так ты же по осени сама его к себе непустила.

– Правильно, не могу же я жить в одной квартире с парнем. А так, и я на природе отдохну, и вам экономия. Ну так как, согласна?

– А ты потом не передумаешь? Не выгонишь ребёнка на улицу?

– Нет, конечно, я же у тебя буду. Всё, пиши ему адрес, как соберётся, пусть подходит, а я выезжаю, чтобы до темна добраться. Пеки пирожки, посидим, молодость вспомним.

Таща за собой баул с необходимыми вещами, Алёна положила ключи в почтовый ящик, и вышла из подъезда, даже не обернувшись. Чтобы ни ждало её там впереди, сюда она больше никогда не вернётся, даже под угрозой остаться совсем без жилья.

Вопреки всему он выжил. От него мало что осталось, но темнота и покой не дали ему погибнуть окончательно. Когда он, ослабленный и измождённый, пришёл в себя, то первое, что ему попало на глаза, было маленькое глазастое созда-

ние, без опаски сидевшее рядом с ним.

Когда-то, создавший его, приносил ему таких каждый день. Видимо он тогда знал, что делал, так как в его теперешнем состоянии это было единственным спасением.

Он медленно потянулся к ничего не подозревающему животному и нежно окутал его своей темнотой. Силы возвращались к нему. Какое-то время, потребовавшееся ему для восстановления, он только питался и отдыхал, не делая ни одного лишнего движения. Но всё это время он усиленно размышлял, тысячу раз прокручивая в памяти ту роковую неудавшуюся ночь. И с каждым разом ему становилось всё больнее и невыносимее. Создавший не просто оттолкнул его от себя, но и пытался уничтожить. Его, который лишь хотел никогда не расставаться с ним, и служить вечно. Его предал тот, к кому он стремился с самого своего появления, и он этого так не оставит. Они непременно встретятся вновь, и он узнает, почему с ним так поступили.

Как только силы начали возвращаться к нему, он вновь превратился в наблюдателя. Только теперь это был думающий наблюдатель, и что ещё более важно, умеющий принимать решения. Свет – плохо, тьма – хорошо; звук – плохо, тишина хорошо; мёртвые существа – можно, живые существа – нужно, и чем они крупнее, тем больше энергии можно получить. С каждым днём таких разделений становилось всё больше. Он учился. Так, раскладывая и анализируя, он готовился к новой встрече с создавшим его. Пусть он сейчас

далеко, и лишь еле уловимая тяга показывает направление к нему, но он непременно доберётся куда нужно, чего бы это ни стоило. В этом весь смысл его существования.

Но для того, чтобы осуществить задуманное, и двинуться наконец-то в путь, ему требовалось больше энергии. Те, кем он питался последнее время, мало подходили для этого, к тому же они стали пугливыми, и их приходилось подстергать и вылавливать. Всё чаще он стал выбираться наружу, в надежде подкараулить одно из больших шумных существ. Энергии от него ему хватит надолго. И как только он придумает способ подманить его к себе поближе, сразу же отправится в путь. И уже неважно, ждут его там или нет. Теперь важными стали только его стремления и его желания.